

— Кого разведать?

— Усадьбу Шанжу.

Чжу Яньинь помнил это название: само слово «Шанжу» звучало так тепло и привычно, что в воображении тут же рисовался добродушный седобородый старец — из тех благородных мужей, что сходятся ради беседы о книгах и поддерживают друг в друге человеколюбие. Услышав, что Ли Суй собирается пробраться в Усадьбу Шанжу под покровом ночи, он тут же понизил голос:

— У них какие-то проблемы? Неужели они только притворяются добропорядочными и дружелюбными, а сами тайно сговорились с Храмом Фэньхо, чтобы разом истребить все праведные кланы и устроить кровавую баню?

Ли Суй с тихим щелчком вернул меч в ножны:

— Даже в Альянсе боевых искусств этого не заметили, а ты откуда-то всё знаешь.

Чжу Яньинь ответил как на духу:

— Да во всех приключенческих романах о цзянху так пишут.

Ли Суй поднял на него глаза:

— И в самом деле только из романов?

Чжу Яньинь опешил. Что это должно было значить? Неужели из-за того, что он оказался таким эрудированным и ответил без запинки, его заподозрили в связях с Демоническим культом? Да не может быть, с чего вдруг, что за глупости!

Ли Суй с интересом протянул:

— Мало ли что ты говоришь. А где доказательства?

Чжу Яньинь выпалил не задумываясь:

— Ты сам в прошлый раз сказал, что я даром не сдался Читяню!

— ...

— Поужинаем?

Ли Суй свирепо отрезал:

— Нет. И тебе нельзя!

Поражённый этим нелепым требованием, Чжу Яньинь спросил:

— Это ещё почему?

— Потому что тебе теперь известна тайна Усадьбы Шанжу, — Ли Суй воспользовался своим обычным бесстрастным выражением лица, чтобы беззастенчиво припугнуть его. — А по правилам цзянху, я должен связать тебя и бросить в темницу.

Чжу Яньинь деликатно возразил:

— Что-то я не припомню таких правил в цзянху.

Ли Суй постучал костяшками пальцев по ножнам Меча Сянцзюнь:

— Вот моё правило.

Чжу Яньинь мысленно вздохнул: «Ладно-ладно, только когда будешь запирать, связывать не обязательно, я могу сам дойти до комнаты».

По всем законам жанра Владыка дворца Ли сейчас должен был весело расхохотаться, возможно, слегка ущипнуть его за щеку, после чего они довольные спустились бы ужинать. Однако на сей раз сюжет свернул куда-то не туда. Ли Суй спросил:

— Это ты так вырядил Лань Янь?

Чжу Яньинь хитро улыбнулся:

— Не я, а портнихи из лавки готового платья. Утром я заметил, что у Лань Янь испачкался подол, вот и подарил ей несколько новых нарядов. Ну как? Правда же, она выглядит нежно и прелестно?

Ли Суй фыркнул:

— Я не смотрел.

— Это ничего, сядем за стол — рассмотришь получше, — Чжу Яньинь потянул его за рукав, увлекая за собой. Сила была лишь кажущейся: все понимали, что не пожелай того Владыка дворца Ли, никто в мире не сдвинул бы его с места. Разве что отчаянно храбрый Второй молодой господин Чжу мог вот так, на глазах у всех, увести его из комнаты.

Чжу Чжан уже накрыл стол на четверых, усадив Цзян Шэнлиня напротив Лань Янь. Он рассчитывал, что когда молодой господин и Владыка дворца Ли спустятся, они сядут по отдельности. Но как ни старался старый слуга всё предусмотреть, Чжу Яньинь спутал его планы: ещё не успев сесть, он попросил Цзян Шэнлиня пересесть на одно место влево.

Старый дворецкий мысленно вздохнул: «Хорошо, всё понял. В следующий раз разложу именные таблички».

Главным блюдом была доставленная издалека, из самого Цзяннаня, рыба саньмяньбай, обжаренная до золотистой хрустящей корочки. Кроме того, повар приготовил для всех нежный яичный крем на пару с крошечными серебряными рыбками. Посуда и подача блюд отличались изысканностью. Учитывая привычки людей из цзянху, Чжу Яньинь заранее распорядился избавить трапезу от лишней вычурности и этикета, но былая роскошь усадьбы всё равно давала о себе знать: Владыка дворца Ли не успел сделать и пары глотков, а тарелки перед ним сменили уже раз восемь.

— ...

Чжу Яньинь вовремя вмешался:

— Дядя Чжан, ступай с остальными отдыхать, мы поедем сами.

Чжу Чжан запротестовал:

— Разве пристало молодому господину обедать без прислуги?

Чжу Яньинь и бровью не повёл:

— Но мы собираемся обсуждать тайны цзянху, посторонним это знать ни к чему.

У Чжу Чжана перехватило дыхание от обиды, но он постарался сохранить доброжелательный вид:

— Какое отношение тайны цзянху имеют к молодому господину? Давайте лучше сделаем так: раз Владыке дворца Ли нужно обсудить важные дела, я провожу молодого господина в его покои, и мы поедем там.

Чжу Яньинь мысленно взвыл: «Но я не хочу уходить!»

Ли Суй как ни в чём не бывало продолжил есть и небрежно бросил:

— Если хочешь остаться, так и скажи, незачем постоянно пинать меня под столом.

— ...Ох.

Когда тайные пинки под столом предали огласке, атмосфера вмиг стала неловкой.

Чжу Яньинь набрался смелости и произнёс:

— Дядя Чжан, идите отдыхать. Я хочу остаться и послушать.

Видя такое упорство со стороны молодого господина, Чжу Чжан, конечно, не стал настаивать. Но в глубине души ему было невыразимо тоскливо. Ведь раньше, в Цзяннани, молодой господин всегда считал его своим доверенным лицом! Все те приключенческие романы о цзянху и бутафорские мечи, о которых не должны были прознать старый господин и старший молодой господин, они ведь покупали вместе! И даже в том взорвавшемся алхимическом тигле была глина, которую преданный старый дворецкий разминал собственными руками.

Почему же стоило им вступить в цзянху, как всё изменилось?

Какая досада.

За столом Цзян Шэнлинь и Лань Янь молча жевали свои порции, думая про себя: «Они уже и под столом пинаются? Ну и скорость сближения — прямо-таки семимильными шагами».

Чжу Яньинь молча ел побеги бамбука. Хоть он и старался вести себя тихо, в комнате стояла такая тишина, что отчётливый сочный хруст разносился по всему помещению.

Ли Суй тоже потянулся палочками к бамбуку.

Чжу Яньинь принялся за салат из бобовых ростков, который хрустел не менее аппетитно.

Ли Суй снова последовал его примеру.

О хрустящей рыбе саньяньбай и говорить нечего.

Она действительно оказалась невероятно нежной и ароматной.

Напоследок Чжу Яньинь зачерпнул ложкой яичный крем.

Цзян Шэнлинь и Лань Янь во все глаза смотрели на то, как Ли Суй придвинул к себе последнюю пиалу с кремом.

Предыдущие блюда Сяо Инь ел так вкусно, что так и подмывало попробовать их тоже. Но яичный крем-то ведь совершенно беззвучный, зачем повторять за ним и сейчас?

Допив суп, Чжу Яньинь аккуратно вытер рот лежавшим рядом платком, сложил его испачканной стороной внутрь, ровно положил на прежнее место и лишь после этого велел слугам подать чай.

Цзян Шэнлинь и Лань Янь одновременно покосились на Ли Суя: неужели он и это повторит?

Владыка дворца Ли с бесстрастным лицом вытер рот и швырнул платок в Цзян Шэнлиня, вложив в бросок внутреннюю силу, отчего тот просвистел в воздухе, словно летящий кулак.

Божественный целитель Цзян мысленно выругался.

Чжу Яньинь с улыбкой произнёс:

— Сегодня у нас чай «Красный клён». У него сладковатое послевкусие, и он отлично помогает после жирной пищи.

Ли Суй поставил чашку:

— Горчит.

— «Красный клён» раскрывается со временем, — Чжу Яньинь обхватил чашку ладонями. — Сначала горько, а потом сладко.

Цзян Шэнлинь похлопал Ли Суя по плечу:

— Слышал? Сначала горечь, потом сладость. Хорошее предзнаменование.

Ли Суй опустил глаза и выпил ещё одну чашку.

Сладость была едва заметной, но всё же чувствовалась — тонкая, ненавязчивая, она долго держалась на губах.

Видя, что тот, кажется, в хорошем расположении духа, Чжу Яньинь улучил момент спросить:

— Твоя ночная вылазка в Усадьбу Шанжу связана с расследованием убийства?

Цзян Шэнлинь изумился: «Он даже про ночную вылазку рассказал Сяо Иню?»

Лань Янь недоумевала: «Какая вылазка? Куда? Когда?»

Ли Суй посмотрел на него:

— Хочешь пойти со мной?

Чжу Яньинь растерялся от такой чести:

— Мне тоже можно?

Ли Суй ответил:

— Нельзя.

Чжу Яньинь мигом сдулся:

— Зачем тогда спрашивал?

Уголки губ Ли Суя вредно поползли вверх. Он сейчас напоминал противного мальчишку, который дразнит остальных пойманной яркой бабочкой, но стоит тем потянуться к ней, как он тут же выпускает её из рук, заставляя детей реветь в три ручья, а сам заливается смехом, подбоченься.

Единственная разница заключалась в том, что озорного сорванца мог выдрать отец, а Владыку дворца Ли наказывать было некому, поэтому он вёл себя ещё более нагло и безнаказанно.

С чаем «Красный клён» было покончено, и ужин подошёл к концу. Когда Чжу Чжан вернулся со слугами, чтобы убрать посуду, и увидел, что Чжу Яньинь сидит один у стола сам не свой, его сердце тут же сжалось от жалости. Он спросил:

— Молодой господин чем-то расстроен?

— Да, — уныло протянул Чжу Яньинь. — Я заперт здесь целыми днями, скука смертная. Хочу вечером съездить на постоянный двор «Куайхолин», проведать Брата Минчуаня.

Чжу Чжан мысленно проворчал: «Какое ещё "целыми днями"! Да ты через день куда-то убегаешь, давеча вон с Владыкой дворца Ли в лес ходил убийство расследовать — как будто это наше дело!» Однако вслух он ничего такого не сказал, а лишь добродушно улыбнулся:

— Хорошо. Вы пока посидите немного, молодой господин, а я велю запрягать экипаж.

Название «Куайхолин» больше подходило какому-нибудь разбойничьему логову, где бандиты, закинув ногу на стул, рвут зубами жареных кур, но на деле это был самый обычный постоянный двор, расположенный всего в одной улице от гостиницы «Шаньнань». Роскошный экипаж Усадьбы Чжу чинно остановился у входа. К нему тут же поспешили ученики Клана Минцзянь. Кланяясь в знак извинения, один из них произнёс:

— Сяо Инь, наш молодой глава сегодня простудился. У него сильный жар и кашель, он уже лёг спать.